НОВОГРУДСКАЯ ТЮРЬМА

Тюрьма в Новогрудке на территории современного Новогрудского райотдела милиции, по всей вероятности, появилась с начала установления немецкой оккупации и гражданской администрации – с сентября 1941 года и просуществовала до июля 1944-го (хотя есть версия, что ее создали позже – в ноябре 1943-го). В Музее истории и культуры евреев Беларуси хранится письмо жителя города Барановичи Михаила Буинского, в котором он рассказывает о своих родителях, погибших в застенках новогрудской тюрьмы, куда они попали за помощь евреям в январе 1943 года. Михаилу и Вере Буинским было присвоено звание «Праведники народов мира» в 2014 году посмертно. Копию письма передала в редакцию «ГП» бывший директор Новогрудского историко-краеведческого музея краевед Тамара Вершицкая.

Из письма Михаила Буинского, семья которого жила на хуторе недалеко от Новогрудка: *«Арестовали нас в первых числах января 1943 года, это было в воскресенье утром. Еще было темно, нас разбудил сильный лай собак. Мама увидела в окно, что со стороны Новогрудка бегут какие-то люди, но кто – сразу не поняла. А когда поняла, крикнула: «Немцы!», но было уже поздно. Отец в эту ночь как раз отвез людей из гетто к партизанам, успел распрячь лошадей и войти в дом. Услышав стук в дверь, он открыл ее, и фашисты ворвались к нам. Переводчик скомандовал всем выйти во двор. Нам даже не дали надеть верхнюю одежду, уложили вниз лицом на снег всех (восемь человек), пока из дома выносили более-менее ценные вещи. Мы начали замерзать, отец решил подняться, но, получив удар автоматом по голове, упал, по лицу потекла кровь. Затем ему приказали запрячь лошадей и повезли к той самой яме между деревнями Братянка и Бальчицы, где расстреливали людей. Когда наша очередь подошла становиться на доски, немцы посовещались, вернули нас опять на подводу и повезли в тюрьму города Новогрудка.*

Отца после первого допроса мы больше не видели. На третьи сутки нашего заключения человек, раздававший через окошко еду заключенным, сообщил, что отца нашего больше нет, что, когда его допрашивали, он ударил немца и был застрелен. После войны бывший полицай подтвердил, что отец погиб на третий день допросов и зарыт во дворе тюрьмы с еще двумя мужчинами, одного из которых, со слов этого свидетеля, расстреляли за то, что он у себя дома прятал еврейского ребенка.

Мама на допросах часто теряла сознание, ее бросали в подвал, и как только она приходила в себя, снова волокли на допрос. Был какой-то период, когда мы сидели с братом со взрослыми мужчинами, и период, когда оказались в одной камере с мамой. Меня с братом водили на допросы по очереди. Через переводчика спрашивали, кто к нам приходил, фамилии людей, ушедших в партизаны, куда от нас уходили евреи, где находятся партизаны и т.д. Мы молчали. Мама успела предупредить, чтобы мы не то, что говорить, но и думать не смели об этом, говоря, что у немцев есть аппарат, который мысли читает, а иначе – расстреляют всех уже точно.

Били плетками, били сапогами, били куда попало. После допросов все тело было черным. В камере находились человек до двадцати, табуретка одна, нары низкие, дощатые, в три этажа люди на них лежали на голых досках, вверху – узкое окошко, забитое жестью. Камеры не отапливались, стояли по очереди, т.к. всем места постоять не хватало, в углу находился бидон, куда справляли нужду. Взрослые выносили его один раз в день, а мы им завидовали, потому что они могли в это время подышать свежим воздухом. Ели баланду из нечищеной картошки, одна вода, песок скрипел на зубах, хлеб с опилками 100-150 г, не более. Мы с братом крошили его в карманах, а потом по крошке сосали, чтобы приглушить чувство голода. За все время заключения ни разу не умывались.

Если у заключенных в камере обнаруживалась инфекция – всех уничтожали. Так мы пробыли там около 4-6 месяцев, точно сказать не могу, да и никто не сможет – мы дни не считали, а немцы архивных документов не оставляли. Помню только, что когда нас отправляли в Новогрудский детдом, было тепло и снега не было. Ходить, стоять мы от слабости не могли, в детдом повезли нас на подводе. Двух старших сестер Марию и Евгению отправили на работы в Германию, а мать – обратно в тюрьму. Больше ее мы тоже никогда не видели. Говорили, что ее во время одной из «чисток» тюрьмы то ли сожгли в сарае за Новогрудком в сторону Барановичей, то ли расстреляли в братской могиле под Новоельней.

Тогда всех заключенных поделили на две части. Где погибла наша мама, мы так и не узнали. После ухода немцев наша старшая сестра Шура, которая не была арестована, т.к. она была замужем и жила в Новогрудке, вместе с другими людьми ходила раскапывать братскую могилу под Новоельней, чтобы найти маму. Обстановка там была ужасная, люди падали в обморок. Кто был в своей одежде, того можно было опознать, а без одежды так и остались неопознанными. Нашей маме было около 43 лет, когда она погибла.

После войны в 1965-1966 гг. я разыскал бывшего полицая, который работал в этой тюрьме, и он показал место захоронения отца. На территории бывшей тюрьмы в то время располагалась милиция, а на месте могилы – дровяной сарай. Начальник милиции сказал, что вопрос о раскопках надо согласовать с областью. Из Гродно пришел ответ, что по истечении срока давности раскопки запрещены.

Также я связался с семьей Гиненских, нашими соседями по хутору, которых мы скрывали у нас после побега из гетто. Живя в Америке, они прислали нотариально заверенные показания о том, что наша семья спасла их семью в годы войны, и не только их…»

Начальником (шефом) тюрьмы был Яков Боярчук, одновременно он являлся сотрудником СД, переводчиком при нем служил Антон Зинкевич. Из материалов архивного уголовного дела по обвинению полицая С. Кололо известен список работников полиции и тюрьмы из восемнадцати человек, которые примерно с сентября месяца 1943 года перешли на работу в «Мот Цуг» при СД, главной задачей которого была борьба с советскими партизанами. Один из охранников тюрьмы В. Бессараб за карательную деятельность в период службы в немецкой полиции приговором военного трибунала Белорусского военного округа от 21 ноября 1951 года был осужден к расстрелу.

В застенках тюрьмы содержались жители Новогрудка и округи за связь с партизанами, представители советской власти, а также евреи. Здесь замучили и расстреляли детей Михле Сосновскую и Шейндель Сухарскую, которые ушли из гетто на улице Кореличской (Минской), но по доносу были задержаны и водворены в тюрьму. 13-летняя Михле в образе ангела в бронзе «живет» в Новогрудке как символ всех детей – жертв фашистского геноцида. В тюрьме также содержалась семья Рахманько и Михаил Бернштейн, который был зверски замучен лишь за то, что пытался пронести в мешке с мукой радиоприемник на территорию гетто.

> В застенках тюрьмы содержались жители Новогрудка и округи за связь с партизанами, представители советской власти, а также евреи. Здесь замучили и расстреляли детей Михле Сосновскую и Шейндель Сухарскую, которые ушли из гетто на улице Кореличской (Минской), но по доносу были задержаны и водворены в тюрьму. 13-летняя Михле в образе ангела в бронзе «живет» в Новогрудке как символ всех детей – жертв фашистского геноцида.

– С Григорием Рахманько я была лично знакома, – рассказывает Тамара Вершицкая. – *Он вспоминал, как однажды ночью их арестовали и всю семью привезли в тюрьму. Они пробыли там несколько недель. Однажды их погрузили на грузовик вместе с другими арестованными и вывезли в Скрыдлево – деревню недалеко от Новогрудка. Там заставили копать себе могилу. В это время на дороге остановился легковой автомобиль, из которого вышел немецкий офицер в форме канареечного цвета. Он подошел к немцам-охранникам, что-то сказал на немецком, после чего всех погрузили в машину и отвезли назад в тюрьму… Можно предположить, что заключенных собирались расстрелять на открытой местности напротив деревни Скрыдлево, однако расстрел был отменен: возможно, немцу высокого звания не понравилось, что это происходило в дневное время, при многочисленных свидетелях…*

– Нечеловеческие условия содержания в тюрьме города Новогрудка, истязания и мучения зафиксированы районной чрезвычайной комиссией в акте по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков по Новогрудскому району Барановичской области от 7 февраля 1945 года, – подчеркивает **заместитель прокурора Гродненской области Андрей Скурат.** – *В акте указано: «Тысячи граждан были арестованы и заключены в тюрьму. В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Кто оставался в живых после таких истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемый: в крови, обожженный, с изуродованными частями тела. Медицинская помощь истязаемым не оказывалась…».*

Об истязаниях в тюремных застенках сообщила комиссии и очевидец Ф. Зеленина, которая 7 февраля 1945 года рассказала: *«Меня загнали в камеру, били палками, выбивали зубы, ломали ребра, драли за волосы. Одних палок я испытала 260 раз. Избитую, мертвую, меня снова кидали в камеру, и так проводилось в день несколько раз».*

Из этого же акта следует, что в последнее время своего кровавого террора немецкие изверги в 1943 году вывезли машиной из тюрьмы 65 человек и сожгли живьем за городом в сарае. Вот что свидетельствовал о мученической смерти своего деда в феврале 2022 года в рамках расследуемого уголовного дела М. Шиш: *«Поскольку мой дед И. Шимко был революционером, то его и еще одного мужчину отвезли в Новогрудок, в какую-то тюрьму. Со слов бабушки, это было деревянное здание, где теперь находится здание Новогрудского РОВД. Всех, кто был в указанной тюрьме, заживо сожгли. Кто пытался выбежать из здания, того расстреливали…».*

Полицай С. Кололо, давая показания следствию, рассказал, что заключенных Новогрудской тюрьмы расстреливали в трех километрах от города Новогрудка, примерно метров в пятистах от бывших польских казарм, а обвиняемый В. Бессараб отмечал: «Мне неоднократно приходилось охранять тюрьму в городе Новогрудке, содержавшихся в ней гражданское население и советских военнопленных».

– Помещение в тюрьму Новогрудка для мирного населения было равносильно смертному приговору, – подчеркивает **историк-краевед, начальник отдела идеологической работы Новогрудского райисполкома Наталия Жишко.** – *Людей зверски убивали без суда и следствия, выполняя жуткий целенаправленный план геноцида. Причем нелюди-фашисты и их приспешники получали удовольствие от пыток и издевательств над заключенными. Старожилы рассказывали, что в некоторых камерах была натянута колючая проволока и если человек вставал – царапал тело, а если лежал на цементе – гнил заживо. Шло планомерное истребление целых групп населения по тем или иным мотивам: из-за принадлежности к советским активистам, коммунистам, евреям…*

Наталья ЗМИТРЕВИЧ,
старший прокурор прокуратуры Гродненской области;
Алла БИБИКОВА, собкор «ГП».

ФОТО: «НОВАЕ ЖЫЦЦЁ» И ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ТАМАРЫ ВЕРШИЦКОЙ

*Проект создан за счет средств